



Записка Ильича

Километрах в семидесяти от древнего русского города Переславль-Залесский, среди лесов и пологих холмов лежит село Даратники. Летом, особенно в июне, пока листья и травы не коснулось знойное солнце и они хранят ещё первозданную свежесть, а под ветром волнуется зелёная с голубоватым отливом рожь, места эти красоты неопишущей, истинно русской.

Вот в один из таких дней мне и довелось побывать в Даратниках. Здесь я и услышал эту историю. Она, правда, кое в чём расходится с рассказом ныне уже покойного Дмитрия Семёновича Модина, но я не внёс поправок и оставил всё так, как поведали местные старожилы.

Когда слушатель пулемётных курсов красных командиров в Кремле Дмитрий Модин, сдав пост у квартиры Ленина, вернулся в казарму, его внимание привлекло письмо на тумбочке дневального. Вверху крупными буквами был написан его московский адрес, а внизу стояло: «Село Даратники, Загорская волость, Переславский уезд, Владимирская губерния».

Давненько не приходили вести из дому, и Модин быстро вскрыл конверт. Известия оказались нерадостными. Кто-то из местных грамотеев под диктовку матери писал, что после кончины отца хозяйство разваливается. У дряхлеющего коня появились большие наросты на коленных суставах. Со сбруей совсем горе — износилась, а купить новую негде. И телега вконец разбилась, отвалились колёса...

Ночью Модин спал плохо — всё виделась покосившаяся избёнка, телега без колёс, мать, пригорюнившаяся у резного оконца.

Утром, отправляясь на занятия, подумал курсант: «Поехать бы? Самому на всё взглянуть. Авось что и подправлю». Но тут же отказался от этой мысли. Время было тревожное — шёл 1920 год. Беляки ещё крепко жали на Республику Советов, какие тут могут быть отпуска.

— Ты что это, Модин, приуныл? — спросил комиссар Петропавловский.

Помялся парень и рассказал о письме.

— Да-а, — сокрушённо вздохнул комиссар, — тяжёлая задача. Ты вот что... Напиши-ка заявление в Наркомзем. А ещё лучше...

Но оборвал себя на полуслове.

Через день вдруг вне очереди Модин вновь оказался на посту у квартиры Владимира Ильича. Подивился про себя: не часто каждому выпадает такая честь. Но промолчал — начальству виднее.

Ровно в восемь дверь распахнулась и из квартиры вышел Ленин.

— Здравствуйте, товарищ курсант. Газеты ещё не подавали?

— Нет, товарищ Ленин, — чётко ответил Модин.

— А что это вы, батенька мой, сегодня такой грустный? Я таким вас ещё не видел.

— Нет, ничего, Владимир Ильич, вам просто показалось.

— Ну-ну, — улыбнулся Ильич и, взявшись за дверную ручку, пригласил. — Зайдите ко мне, пожалуйста.

От неожиданности Модин растерялся, шагнул к порогу, но тут же остановился:

— Не могу, Владимир Ильич. Не имею на то никакого права.

— На что именно? — поинтересовался Ленин. — Войти в комнату?

— Пост покинуть.

— А-а, ну-ну... Наверное, вы правы...

Вскоре на пост встал другой курсант. Модин вернулся в казарму. Только присел — прибежал посыльный:

— Где тут Модин?

— Ну, я... Чего кричишь!

— Давай срочно к Ильичу!

У Модина сердце словно оборвалось...

Ленин сидел за столом, чуть склонив голову набок, и быстро, размашисто писал.

— А, непреклонный часовой! — Ильич поднял глаза на плотного, коренастого курсанта. — Ну-с, проходите, проходите, — Ленин указал рукой на стул. — Надеюсь, теперь-то препятствий для этого нет?

Через несколько минут Модин чувствовал себя уже как дома. Ленин, опершись на руку, слушал его, изредка задавая вопросы. Модин так увлёкся, что не заметил, как рассказал о своей беде. Не хотел, так вышло. Подкупило задушевное внимание человека с весёлыми искорками в глазах.

А потом как-то уж так получилось, что Модин забыл о своей беде, о сбруе и колёсах. Личное куда-то вдруг отошло на второй план. Он словно увидел перед собой все Даратники, его людей.

— Нельзя нам, товарищ Ленин, — сказал он твёрдо, — запускать хозяйство крестьянина. Чем больше хлеба даст он городу, армии, тем быстрее мы расколотим контру. А потом строиться будем...

— Да-да, — подхватил эту мысль Ильич, — нельзя. Надо смотреть вперёд, крепить союз рабочих и крестьян.

Ленин на минуту задумался, глядя куда-то в окно, а потом написал несколько слов на бланке.

— Это вот вам, — Ильич протянул сложенную вдвое записку, — передайте её моему секретарю. Впрочем, нет. Вы Москву хорошо знаете?

Модин кивнул головой.

— Тогда пройдите лучше сами в Козицкий переулок, где был магазин Елисеева, вас там удовлетворят.

Лишь придя в казарму, курсант понял, как ловко Ильич всё выведал у него. Вынул из кармана записку, несколько раз прочитал её.

— Смотри-ка, — Модин подозвал своего друга, бывшего кузнеца. — Всего-то четыре слова: «Просьбу тов. Модина удовлетворить». А что удовлетворить, не написал. А вдруг я целый обоз потребую? Доверяет, стало быть, Ильич нашему брату — простому человеку.

Сбрую и хомут Модин получил на складе в Хамовниках. Колёс здесь не нашлось, и их быстро изготовили в Сокольниках, на заводе № 1. На радостях курсант не обратил внимания, что колёса с коваными железными ободами больше обычных крестьянских.

— Такие вовек не изъезжаются, — заметил кладовщик.

Снаряжение помогли доставить в деревню. А вскоре от матери пришло письмо. Сбруя подошла, а вот колёса очень тяжёлые. Съездила в соседнюю деревню, от коня пар столбом. Но теперь всё хорошо: обменяла колёса на обычные. А получилось так.

На второй или третий день неожиданно нагрянули к Модиной старики. Долго мялись, ходили вокруг да около, и, наконец, один сказал:

— Ты бы, Филипповна, уступила нам эти самые... колёса ленинские. Мы их для общества приспособим, поставим на пожарную машину. В самый раз будут. А тебе взамен обычные дадим.

Согласилась Модина.

Колёса те долго служили обществу. И косогоры, и ухабы были им нипочём. И война давно кончилась, о беляках уже забыли, а пожарная машина на тех колёсах всё ездил. И когда кто по незнанию удивлялся такой прочности, даратниковские мужики с гордостью отвечали:

— А что ж тут такого... Известно, ленинские!